

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

ОТ ВОЕНПРЕДА ТОВАРИЩА СЫТИНА

Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме*

7 мая 1920 года был подписан советско-грузинский договор, создавший правовую базу для установления дипломатических отношений между двумя странами, включая и военно-дипломатические. Военным представителем в Грузинской демократической республике был назначен опытный генштабист, бывший Генштаба генерал-майор Павел Павлович Сытин (1870–1938), известный советскому руководству как командующий Южным фронтом РСФСР в 1918 году (тогда с ним вступил в конфликт член РВС фронта И. В. Сталин). С конца 1918-го Сытин был фактически устранён от активной работы, занимая второстепенный пост и. д. начальника военно-административного отдела управления делами Реввоенсовета Республики (РВСР). В 1920 году о нём вспомнили и командировали на ответственную военно-дипломатическую службу на одном из наиболее значимых направлений.

Институт советских военных атташе тогда только зарождался, лишь 3 июня 1920 года РВСР была утверждена инструкция военным представителям РСФСР за границей, согласно которой, сведения им надлежало добывать из иностранной литературы, периодической печати, агентурным путём и непосредственным наблюдением¹. В 1920-м советские военные представители были направлены в Грузию, в Армению, а также в прибалтийские государства. Командированные были выпускниками дореволюционной Николаевской военной академии².

В Тифлис Сытин прибыл в июне 1920 года. Интенсивная работа началась с первых же дней. Советский разведчик составлял многочисленные доклады, которые направлялись в центр начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, начальнику Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Я. Д. Ленцману и в РВСР, копии направлялись советским полпредам в Грузии С. М. Кирову и (с сентября 1920 года) А. Л. Шейману, советнику полпреда

П. П. Сытин.

Л. Н. Старку и первому секретарю Одоевского. Копии докладов о смежных с Грузией районах фронтов и армий РККА отсылались в соответствующие Реввоенсоветы. Из Тифлиса связь осуществлялась по телеграфу и посредством отправки донесений.

Всего с 22 июня по 31 декабря 1920 года Сытин сумел подготовить не менее 277 докладов, а за 1921 год известны 25. Таким образом, всего им было составлено более 300 докладов. Судя по объёму донесений, Павел Павлович готовил информацию практически ежедневно. В некоторые дни составлялись по несколько докладов.

Одним из приоритетных направлений разведывательной работы миссии вполне естественно стало освещение положения белых в Крыму. Уже 22 июня 1920 года Сытиным был составлен доклад № 2 о положении интернированных грузинскими властями денкинцев в Поти и Тифлисе. Вопрос этот был чрезвычайно актуален в связи с тем, что остатки белых войск, оказавшиеся в Грузии, перебрасывались в Крым к П. Н. Врангелю. Сытин отмечал крайне тяжёлое положение интернированных белых — в Грузии они не могли получить работу и голодали, их за-

манивали во врангелевскую армию, порой обманным путём, под предлогом отъезда в Болгарию и другие страны (попавшие на эту приманку оказывались в Крыму). Некоторые бывшие белогвардейцы приходили на приём в советское военное представительство и просили денег в долг. Как отмечал Сытин, бывшие белые боялись уезжать в Советскую Россию, поскольку считали, что будут расстреляны, а к постановлениям об амнистии относились недоверчиво. Многие, опасаясь ареста и депортации в Россию, даже уехали из Грузии с прибытием туда советской миссии.

Сытин не просто информировал центр, но предлагал принимать действенные меры, чтобы лишить армию Врангеля этого источника пополнения. Задача казалась вполне реальной. По замыслу Сытина, можно было открыть для интернированных бесплатную столовую. Бывший генерал отмечал: «Необходимо их тотчас же всех взять на учёт (хотя бы неофициальный), проверить их, отсортировать надёжных, честных от авантюристов и предателей и, конечно, можно быть вполне уверенным, что это обойдётся дешевле нашему правительству, чем какой-либо другой способ, а главное, сердечное участие советской власти к этим несчастным произведет решительный переворот в их ориентации и даст нам много честных и работоспособных сотрудников»³. Сытин в меру своих скромных возможностей лично пытался помочь интернированным белым, однако для оказания полноценной помощи требовались средства, которых у миссии не было.

По оценкам советского военпреда, в Грузии оказались интернированы группа генерала И. Г. Эрдели в 6000 человек, группа генерала Д. П. Драценко в 6000–7000 человек, части Донской и Кубанской армий и части генерала А. Г. Шкуро неизвестной численности⁴. В октябре 1920 года Сытин даже командировался в Сухумский округ для переговоров в связи с интернированием казаков⁵.

Постепенно Сытин совершенствовал качество осведомительной работы. Так, в весьма секретном докладе № 3 от 22 июня 1920 года, адресованном Кирову, главе комиссии по контролю за выполнением условий мирного договора (комиссия о военных гарантиях), Л. И. Рузеру в РВС 10-й армии и РВС Кавказского фронта, он передавал

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю благодарность директору Центрального исторического архива Грузии А. Д. Вачарадзе и сотруднику Национального архива Грузии Н. Ю. Гладченко за помощь в работе.

информацию о положении белых, полученную от перебежчиков — описывал катастрофическую новороссийскую эвакуацию, сообщал данные о Русской армии в Крыму, писал об ужесточении дисциплины у белых в сравнении с деникинским периодом⁶. 26 июня им был составлен доклад № 5, направленный начальнику Полевого штаба. В документе приводились списочные данные командного состава армии Врангеля, в том числе данные о высокопоставленных офицерах-генштабистах. Отслеживал Сытин и перебрсы белых из Грузии в Крым (к примеру, в докладе № 40 от 26 июля 1920 года были приведены сведения о рейсах пароходов из Грузии в Крым с указанием численности перебрасываемых туда офицеров), а также положение в самом Крыму.

Данные об обстановке в белом лагере не всегда отличались высокой точностью, включали как достоверную информацию, так и вымысел, несмотря на использование агентуры (судя по документам, видимо, не в самом Крыму, а среди белых, находившихся в Грузии). В частности, Сытин сообщал о монархическом заговоре в Крыму и о том, что генерал Эрдели якобы отдан под суд за злоупотребления; в качестве отголоска данных о выступлении капитана Н. И. Орлова сообщал об арестах в Крыму офицеров во главе с герцогом С. Г. Лейхтенбергским⁸. Не соответствовали действительности вошедшие в доклад № 41 от 26 июля 1920 года данные о том, что в Крыму арестованы и посажены в крепость генералы П. С. Махров и Л. М. Болховитинов⁹. Сытин также сообщил, что генералы Н. А. Букретов, Н. А. Морозов, подпоручик В. Н. Иванис, Белашёв (личность не установлена) и видный политический деятель Н. Н. Чебышев были преданы военно-полевому суду, что не находит документального подтверждения. Неверными были данные из доклада № 52 от 8 августа 1920 года о том, что в Тифлис приехал некий Запорожец — якобы генерал-квартирмейстер Врангеля¹⁰.

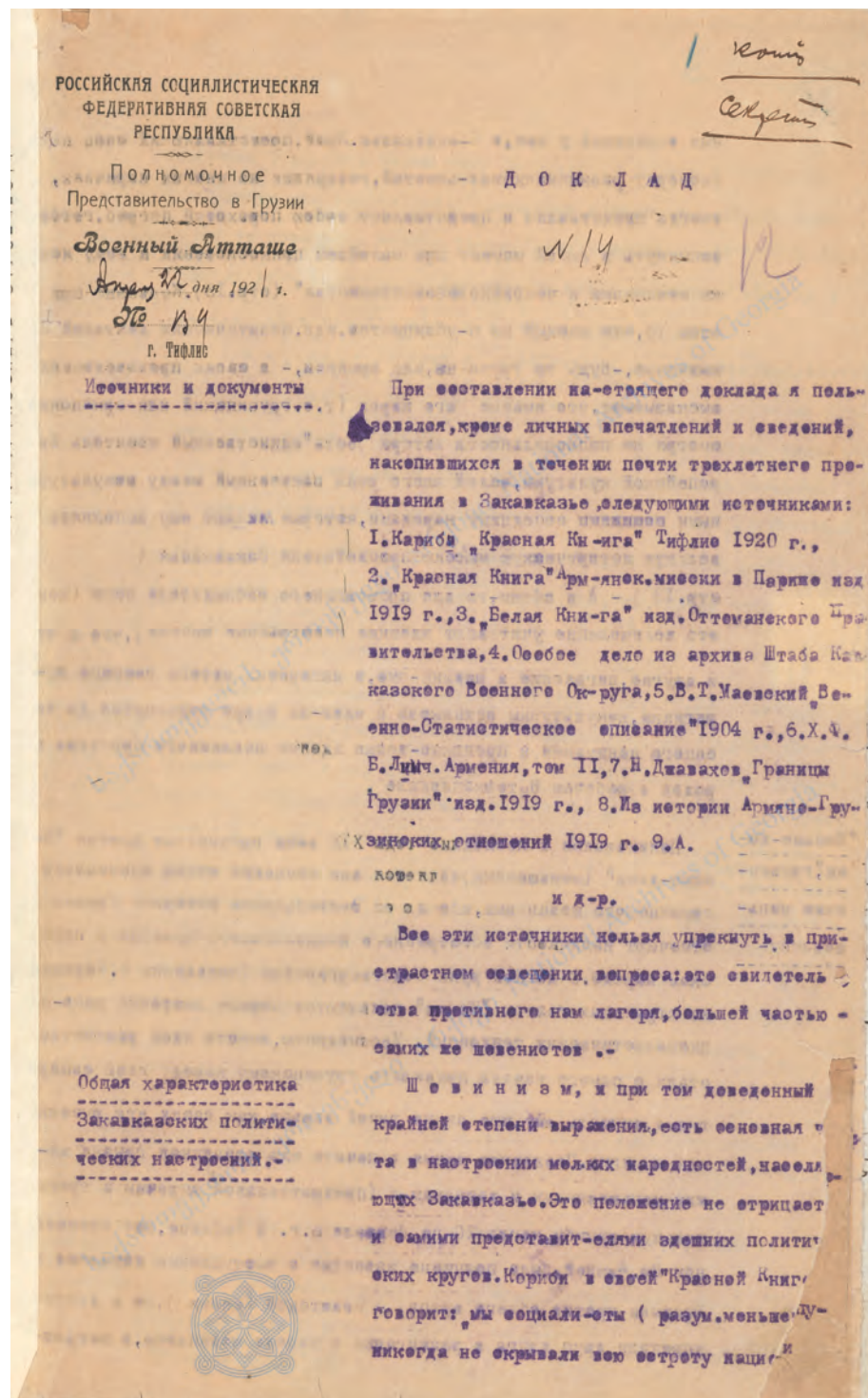
Однако сообщались и ценные сведения. 5 июля 1920 года Сытин подготовил доклад № 14 о морских силах Врангеля¹¹. 13 июля в докладе № 22 он передал текст обращения барона к военспецам РККА¹². Иногда ценная информация сильно запаздывала. Так, 15 октября 1920 года Сытин переправил в центр перехваченное февральское письмо Врангеля Деникину¹³. Важный в начале 1920 года документ, свидетельствующий об острой конфронтации в белом командовании, к осени уже был неактуален. Сообщил Сытин и о том, что знаменитый генерал Я. А. Слащов был отстранен Врангелем от командования (доклад № 89 от 9 сентября 1920 года)¹⁴.

Доклад П. П. Сытина «Общая характеристика закавказских политических настроений».
1921 г. Центральный исторический архив Грузии.
Публикуется впервые.

Разумеется, Сытин осветил и эвакуацию белых из Крыма в Константинополь и Галлиполи (доклад № 266 от 27 декабря 1920 года)¹⁵. Освещался Сытиным и непростой вопрос отношений Врангеля с кубанскими казаками¹⁶.

Благодаря своему разведчику советское командование знало даже о крымских ценах на продукты (в докладе № 79 от 31 августа сообщалось, что масло стоит 3000 рублей за фунт, яйца — 150 рублей за десяток, мясо — 1500 рублей за фунт, хлеб — 200 рублей за фунт, сапоги — 40–80 тысяч руб. за пару), докладывал Сытин и о повальной спекуля-

ции¹⁷. Точными были сведения из доклада № 50 от 2 августа 1920 года о том, что белой контрразведкой в Крыму руководили генерал К. И. Глобачёв и статский советник В. Г. Орлов, Сытину удалось вскрыть и данные о белой контрразведке в Константинополе, которой руководил Р. Д. Мергин (при этом ошибочно сообщалось, что он не офицер, а бывший чиновник)¹⁸. Военпред старался добывать и другую важную в контрразведывательном отношении информацию. Так, в докладе № 79 от 31 августа 1920 года он сообщил Кирову и Лебедеву о работе в Кры-

му провокатора Акимова — якобы бывшего члена РВС 13-й армии (в действительности среди членов РВС этой армии такого не значится), к которому красные продолжали направлять своих людей¹⁹.

Но особенно важным было то, что Сытин успел предупредить военно-политическое руководство РСФСР о подготовке белыми десанта на Кубани. 11 августа 1920 года, в докладе № 54, адресованном Лебедеву и Кирову, он сообщал: «По сведениям, полученным из Феодосии от 5-го сего августа, в этом порту происходит погрузка десанта на суда. Число десантных судов восемь, кроме транспорта («Мария»), которая при десанте состоит в качестве госпитального судна. На суда грузятся исключительно кубанские части числом около десяти тысяч человек с артиллерией и техническими войсками. Кроме этих войск, погружено около двух тысяч человек юнкеров Константиновского, Алексеевского и Екатеринодарского юнкерских училищ. Начальником десанта назначен генерал Шифнер-Маркевич. Погрузка почти закончена. Отправка судов предполагается в города Ейск и Анапу, где и будет произведена высадка десанта. У Новороссийска предположено произвести демонстрацию.

Ранее в Феодосию был отправлен на судне «Скиф» в качестве разведки некий Лемешко с четырьмя разведчиками, который должен был высадиться на побережье Анапа — Новороссийск, но вследствие бури не мог выполнить указанного поручения и при-

был обратно в Феодосию»²⁰. При этом Сытин отметил, что белые не скрывали подготовку десанта и даже писали об этом в газетах. Думается, это обстоятельство не снижает значимости переданных материалов. Участники событий также отмечали, что командованию Кавказского фронта и 9-й армии были известны приблизительный состав десантного отряда и примерное место высадки²¹.

Десант белых грузился в Феодосии и Керчи 29 июля (11 августа), а утром 1 (14) августа должен был высадиться в районе станицы Приморско-Ахтарской (южнее Ейска), чтобы, выставив заслон к северу, наступать на Екатеринодар. Демонстрационный отряд генерала А. Н. Черепова высаживался между Анапой и Новороссийском. Белые возлагали большие надежды на связь с кубанскими повстанцами и казачьи восстания. Таким образом, данные Сытина были достаточно точны (единственно, десантом руководил не генерал А. М. Шифнер-Маркевич, командовавший 2-й сводной Кубанской дивизией, а генерал С. Г. Улагай²²). Удивительно, однако, как военпред мог получить данные из Феодосии о десанте, датированные 5 августа — задолго до начала погрузки. Как известно, врангелевский десант был почти сразу же после

Руководители большевистских организаций Закавказья. С. М. Киров (третий слева в первом ряду), Г. К. Орджоникидзе (седьмой слева в первом ряду), Ш. З. Элиава (восьмой слева в первом ряду). Научный архив ИРИ РАН.

высадки разгромлен, а 6 сентября остатки его эвакуировались в Крым. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла полученная заблаговременно ценная информация военного атташе в Грузии.

В докладе № 91 от 14 сентября 1920 года Сытин сообщал Кирову и Лебедеву: «Не имея постоянного осведомителя в Крыму, я не имел возможности предупредить Вас о готовящемся десанте в районе Кубани заблаговременно и, хотя всё же удалось мне сообщить об этом Вам за неделю до высадки противника, тем не менее, я чувствовал, что это можно было бы сообщить много раньше, если бы в Крыму был свой человек»²³.

Сообщал Сытин и о таком аспекте политики белых, как издание Врангелем закона о земле. Впрочем, основное внимание он уделял военным вопросам. 18 августа в докладе № 66 военпред писал о заброшенности перекопских укреплений в Крыму и попытках белых их восстановить, а в докладе № 68 от 22 августа сообщал о врангелевской мобилизации²⁴. В поле зрения Сытина попали данные о прибытии к белым немецких офицеров (доклад № 98 от 23 сентября 1920 года)²⁵. Также он сообщал в центр, что Врангель не смог достигнуть соглашения с украинским лидером С. В. Петлюрой (доклад № 151 от 7 ноября 1920 года)²⁶.

Любопытны и довольно точны собранные Сытиным развёрнутые личные характеристики белого командования (доклад

№ 145 от 5 ноября 1920 года): «Врангель — инженер, кончил академию Генерального штаба, на войну пошёл ротмистром, за лихую конную атаку получил Георгия 4 ст. Большой честолюбец с сильной волей и настойчивым характером. Ни перед чем не останавливается для достижения своих целей (чтобы попасть в Лейб-Гвардейский Конный полк, обманул при всех государя). Едва ли исправен в своих лозунгах, коими пытается привлечь к себе доверие масс. Умнее Деникина, а потому и опаснее»²⁷.

Правая рука Врангеля — генерал П. Н. Шатилов — удостоился следующей характеристики: «Честолюбив сверх меры, огромного самомнения, избалован жизнью и людьми. На Кавказе все его баловали как сына помощника наместника, заискивая перед отцом. Уверен в своей счастливой звезде. Не брезгует никакими средствами. Нечист на руку в отношении казённого добра. По слухам, в Добрармии в смысле грабежей не отставал от знаменитого Шкуро. 50 сундуков с награбленным добром утонуло в Чёрном море. Эгоист. Умный человек, умеет привлекать к себе людей уместными и своевременными подачками и протезированием. Быстро отходит от человека, раз он ему больше не нужен. В рекламировании его больше всех ему помогает жена, Софья Фёдоровна, которая умеет быть исключительно обаятельна с нужными людьми. Боится конкуренции сильных и умных людей, а потому таких в армии старается не пускать...

В политике Шатилов — монархист, ярый реакционер, готовый, однако, окраситься в любой цвет до социалистического включительно, если это может быть в данный момент выгодно для его карьеры. Во время корниловского выступления, будучи арестован по подозрению в принадлежности к корниловцам, старался выставить себя убеждённым республиканцем. В общем, для России человек очень вредный»²⁸.

Помимо использования перебежчиков, в целях освещения положения белых практиковалась вербовка офицеров, в том числе на основании прежних личных связей. Тифлис тогда был одним из центров противоборства спецслужб и тайных переговоров. Организацией советской военно-морской разведки в Грузии занимался военмор, бывший стар-

К. А. Бенкендорф. 1920 г.

ший лейтенант К. А. Бенкендорф, пользовавшийся связями с флотскими офицерами, служившими у белых. Сотрудничество в разведывательной сфере между политическими руководителями Кировым, Рузером и военспецами Сытиным, Бенкендорфом и В. Н. Чернышёвым было очень тесным, в том числе в вопросе подбора агентуры²⁹ Бенкендорфом вместе с выпускником Николаевской академии бывшим штабс-капитаном В. М. Погореловым был завербован старший лейтенант Л. Е. Кованько, служивший на белом флоте. Кованько ездил с разведывательной миссией в Константинополь, что дало Сытину обширный материал для доклада № 93 от 16 сентября 1920 года об оккупационных силах Антанты в Турции³⁰. Документ включал информацию о возможностях въезда в Константинополь. Тогда же от константинопольской военно-морской агентуры Сытин получил подробные данные о состоянии врангелевского флота (доклад № 94 от 16 сентября 1920 года)³¹.

С деятельностью миссии Сытина связано и зондирование белым командованием вопроса о перемирии с Советской Россией. По свидетельству Бенкендорфа, в августе 1920 года в Тифлисе проходило инициированное Врангелем, другом Бенкендорфа, зондирование почвы для мирных

переговоров с красными. Зондирование осуществлял двоюродный брат Бенкендорфа князь П. А. Долгоруков, с советской стороны посредником выступал Бенкендорф, к переговорам привлекался помощник советского военного представителя в Армении генштабист А. А. Бобрищев³².

Советский военпред в Грузии основательно взялся за дело, чем принёс большую пользу РККА. Материал Сытин получал как от информаторов, приезжавших из Крыма, Турции, Болгарии, и от организаций (отдела печати при полпредстве РСФСР в Грузии, информбюро при армянской дипмиссии, персидского генконсульства), так и из открытых источников — из сообщений мировых телеграфных агентств и из газет, включая крымские, грузинские, армянские, азербайджанские, турецкие, английские, французские и американские.

В ходе советизации Грузии в начале 1921 года Сытин был арестован меньшевиками в Тифлисе и 1,5 месяца просидел в тюрьме в Кутаисе и Батуме как представитель советской власти. Позднее он освободился и некоторое время продолжал работать в Тифлисе. Заслуги Сытина в сфере военной разведки были оценены по достоинству, а сам он с 1 мая 1921 года был прикомандирован к Разведупру Штаба РККА.

Деятельность Павла Павловича Сытина на посту советского военного атташе в Грузии заслуживает самой высокой оценки. Направление опытного генерала-генштабиста на эту работу полностью себя оправдало, принеся Советской России результаты, далеко выходящие за рамки освещения собственно грузинской территории. Несмотря на материальные трудности и недостаточный штат сотрудников, советский разведчик развил высочайшую активность, в короткий срок создал собственную агентурную сеть и начал снабжать центр важнейшими данными о положении как Грузии и Закавказья, так и государств Причерноморья. Важнейшей составляющей работы Сытина стало освещение деятельности белых в Крыму, что не только обеспечивало Москву важной информацией по самым разным вопросам, но и позволило заранее узнать о подготовке врангелевского десанта на Кубани. На кавказском побережье он был встречен частями РККА и разгромлен.

Примечания

1. Север А., Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М. 2009. С. 124.
2. В Латвию был направлен Ф. Л. Григорьев, в Литву — А. К. Коленковский (помощник — А. Ф. Васильев), в Армению, в качестве помощника военного представителя — А. А. Бобрищев (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 13).
3. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
4. Там же. Л. 5.
5. Лежава Г. П. «Дать каждому защиту закона»: веки российско-грузинских отношений (конец XVIII — начало

XX века). 2-е изд. М. 2012. С. 197.
6. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–6 об.
7. Там же. Л. 11. 86.
8. Там же. Л. 13 об.–14.
9. Там же. Л. 87.
10. Там же. Л. 121.
11. Там же. Л. 19.
12. Там же. Л. 49 об.
13. Там же. Д. 2. Л. 117.
14. Там же. Л. 22 об.
15. Там же. Д. 3. Л. 176.
16. Там же. Д. 1. Л. 110.
17. Там же. Л. 197 об.
18. Там же. Л. 118. Подробнее см.: Соловьёв М. Предводитель для Веры.

Константинопольские страсти контрразведки //Родина. 2011. № 6. С. 112–116.
19. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 197.
20. Там же. Л. 123.
21. Шевченко И. Н. Разгром десанта Улагая //От Зимнего до Перекопа. М. 1978. С. 245.
22. Подробнее о десанте см.: Белый десант на Кубани. Август 1920. Сб. Сан-Франциско; Краснодар. 2000; Карпов Н. Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М. 2005.
23. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
24. Там же. Д. 1. Л. 168, 178.
25. Там же. Д. 2. Л. 66.
26. Там же. Л. 208.
27. Там же. Л. 182.

28. Там же. Л. 182–182 об.
29. «Я убеждённый сторонник Советской власти... мой прежний титул — граф...»: Злоключения К. А. Бенкендорфа в большевистской России. 1918–1924 гг./ Публ. В. Д. Топлянского и Н. А. Сидорова// Россия. XX век. Электронный альманах. 2012. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023492> (дата обращения 10.02.2014).
30. ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 28, 30.
31. Там же. Л. 38–44 об.
32. Benckendorff, count. Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman. London. 1955. P. 272–276.